

THE PATIENT HUNTER

J O E P A R R I N O

WARHAMMER
40,000

Терпеливый охотник

Джо Паррино

...

Кайон избран. Приказ отдан. Охота началась.

Сверкнула молния. Внизу бұшевали пожары, пожирая заводы планеты. Хальфус горел. В небесах

бұшевали бұри, поднятые при посадке десантными кораблями.

Империя Тау пришла освободить этот мир, этот самозванный оплот марсианского жречества.

Они пришли освободить его и изгнать слепой догматизм, навязываемый далёким сердцем

Империи. Выбор был прост: жить свободными в гармонии с Высшим Благом или умереть.

Люди, потерянные и ослеплённые невежеством, скованные древними и нелепыми традициями, отвергли тау'ва. Встретили выстрелами слова. Криками заглушили предложения мира. Ответили

молчанием на призывы к диалогу.

Жречество Марса, как называли себя гүэ'ла, встретило тау'ва насилуем, выкрикивая молитвы.

Посланников тау казнили, даже не дав им сказать ни слова. Вместо ответа Империя получила

назад лишь изуродованные тела. Были предъявлены обвинения в разжигании мятежа, и тау, чей

разум уже был устремлён к этой цели, к этой планете, ответили на них с тяжёлым сердцем.

Индустриальный мир будет приведён к покорности Империи Тау, его кузницы будут перестроены, а люди освобождены в соответствие с тау'ва.

Но Шас'врэ Фал'шиа Бас'рех Валэль думал не об этом. В его голове всё ещё звенели слова.

Приказы, отданные самим шас'о без изысков и предисловий. Простые приказы.

-- Охоться, -- сказал ему командир. -- Покажи гүэ'ла, чего стоит отвергнуть

Высшее Благо.

Врэ'валэль кивнул, признавая свою роль и место в великой борьбе. Отданные им приказы были

так же просты.

И теперь он шёл через развалины города людей. При виде шас'врэ команды воинов огня

уважительно склоняли головы, а в глазах их сверкало что-то близкое к благоговению. Он не обращал внимания.

Шас'врэ прошёл мимо команды «Залнов», что притаились за осыпающимися кирпичными стенами

здания гүэ'ла. Они прекратили стрелять из рельсовых винтовок и в знак уважения опустили

орудия.

Им, своим собратьям, Врэ'валэль сказал тихие слова ободрения.

А затем он ушёл, скрылся в густом сумраке неосвещаемых городских улиц.

Таласка Ыонс взглядывалась в тёмную
халфусийскую ночь из недр
«Несокрушимого железа», но не

видела ничего сквозь дым, пламя и пепел.
Даже сеносоры-аусники «Леман Русса»
мало что могли

разобрать, хотя работали на пределе. Они
проехали под огромной аркой в форме
половины

шестерни -- священного для механикус
символа. Она быстро сложила на груди
знамение

шестерёнки.

Если бы Таласка Ыонс была полностью
человеком, то могла бы выругаться, но она
стала иной

более двадцати лет назад. Механикус --
да восславятся они! -- удалили части её
мозга и тела и

заменили надёжными машинами.
Поэтому Таласка Ыонс лишь прошептала
молитву Отниссии и

благословенному духу «Несокрушимого
железа».

Бұлықауысшы голос командира танка,
Энри Харнольда, донёсся до неё на
машинном канте. Он был

подчёркнут указателями вежливости, но
суть была выразительной и суровой.

-- Видно что-нибудь?

-- Почтенный сэр, я не вижу ничего, --
ответила Таласка Ёнс, дополнив
сообщение решимостью и
дисциплиной.

Харнольд удовлетворённо кивнул. Это был
странно человеческий жест для того, кто
потерял почти

шестьдесят процентов плоти.

-- Хорошо, -- прошептал командир танка.
Они были далеко в тылу, вдали от
ксеносов, но

осторожность никогда не бывает лишней.

Танк двинулся дальше.

Через две минуты он погиб. Первые
потери. Первые жертвы.

Таласка Ёнс, командир Харнольд --
никто так и не понял, что их убило.
Никто не увидел. Никто не

услышал.

Только что они были живы, а в следующее мгновение остались лишь дымящиеся обломки.

...

В четырёхстах метрах справа по параллельной улице двигался Дельта-88В. Agent Гурольф Прайс

использовал сенсоры танка, пытаясь проникнуть сквозь окутавший его туман войны, загрязнений и

производства. Атмосфера Хальфуса никогда не отличалась особой чистотой и стала только хуже

после того, как прибыли ксеносы, а взбунтовавшиеся рабочие подожгли половину благословенных заводов.

Они как раз ехали мимо двух таких заводов -- огромных и внушительных созданных по одному

шаблону кирпичных зданий, на стенах которых догорали молитвенные знамёна. Ветер раздувал

платья.

Agent Прайс выругался. Он воспользовался грубым языком, обрывками кода, терзкими по самой

сущности. Это выгавало в агенте глубокое чувство тревоги, глубокое чувство эмоций и недостатка

благословенной логики.

Он получил от командующего танка предупреждение, стягченное, однако, выражающими

понимание символами. «Эмоциональные реакции не одобряют служащих машины».

Agent Прайс прошептал извинения и продолжил сканировать маршрут. На экране прыгали и

грозили линии показателей, складывающиеся в здания или прячущихся в переулках диких рабочих.

Прайс смотрел на экраны аугментическими глазами, которые кликали и жужжали, пока остатки его

тогда сканировали рудиментарный
манифольд в поисках возможных ответов.
Из-за помех система
работала неправильно, сигнал то
появлялся, то исчезал.

А затем по манифольду пронеслось нечто.
Нечто маленькое, похоже на чашу и
невозможно

быстрое. Его глаза не увидели данного
объекта. Прайс закрепил его ярлыком и
передал пакет

данных командующему для просмотра.

-- Что за...? -- начал командир.

Но он так и не закончил вопроса.

А Прайс так и не ответил.

Плазма пронзила «Летан Русс» и разнесла
Дельту-88В на части. Прайса,
командующего и экипаж
распылило.

...

«Теорема» отставала. Какая-то вздорная
часть духа машины, недовольная тем, что
её так скоро

пробудили после рождения, отказывалась
идти на полной скорости.

Реггис Кверат, офицер-ноосферик
«Теоремы», пытался объяснить проблему
командующем

офицеру в «Гибельном клинке» батальона,
Альфре-01А. Он моргнул, когда в
акустических

приёмниках раздалась помеха.

-- 88В исчез, -- прошипел Трейор Гант,
сенсорий «Теоремы».

-- Объясни, -- потребовал ответа
командующий Лювер Вьятт.

-- Он просто исчез, сэр, -- ответил Гант,
шошеломлённый недостатком знания. По
танку прошла

грожь. Недостаток знания одновременно
тревожил и пугал.

Кверат попытался отрешиться от
разговора, отбросить непрошенные чувства.
Он сфокусировался

на назначенной ему благословенной задаче
и вернулся к обсуждению с офицером
Альфре-01А. В

его ушах вновь зашипели помехи, но теперь Кверат мог поклясться, что слышал сквозь них что-то, что-то... иное.

Он как раз собирался предупредить командира и попросить разъяснений, когда танк получил два

попадания по траверсу.

«Теорема» перестала существовать.

...

Врэвалэль улыбнулся. Не насмешливо, не из высокомерия и даже не радуясь победе. Это было

ниже достоинства того, кто посвятил себя тау'ва, ниже его достоинства. Такое поведение более подобало гүэ'ла.

Впереди кружили дроны, ища, докладывая. Но на самом деле это было лишним. Гүэ'ла не

пытались скрыться.

Двое уже пали от его руки. Были уничтожены во имя Высшего Блага, повержены за его неприятие

и рабскую покорность доктрине

нетерпимости.

Их машины или «танки», как они назывались на скверном языке гүэ'ла, были грубыми творениями

высокомерия и силы, мало отличающимися от насех сколоченных тахин бе'зел. Дребезжащие

механизмы с резкими линиями и мрачной окраской, подобающей замыслам их творцов, так

непохожие на чистые плавные машины, казались огню, сверкающие цветами фал'шиа и Улперии Тау.

Вокруг разбежались гүэ'ла или падали на колени при виде его и его костюма. По каналу связи

разносились пронзительные крики, характерные для охотящихся крүүтов, в то время как воины в

костюмах-невидимках сдержанно и профессионально уведомляли его о ходе идущей битвы.

Молчание гругих было заметным и совершенно правильным.

Вылетевшие на разведку дроны
стрекотали, передавая ему подробную
карту окружающего

региона и приближающейся бронетанковой
колонны. Бре'валэль прищурился, думая,
как

адаптировать его план, его кайон, к
текущей ситуации. Он отдал новые
приказы.

И вновь улыбнулся беззубой улыбкой,
скривив синюю кожу.

...

-- «Теорема», учтите, что вы отстаёте.
Увеличьте скорость и вернитесь в строй,

- Юрия Келт, командующий офицер на
борту Альфы-01А так устал это
говорить, так устал слушать

бесполезные извинения Кверата, что
наполнившее его системы раздражение
даже захлестнуло
подавители эмоций.

И тогда связь с «Теоремой» оборвалась.
Без объяснений, докладов, намёков.
Раздражение Келта

росло. Затем он кое-что заметил, и
раздражение сменилось тревогой.

Пропали две другие машины. Келт
попытался связаться по воксу с
«Несокрушимым железом» и

«Дельтой-88В». Ответа не последовало.

Тогда Келт оповестил о ситуации
командира танкового подразделения,
майора Филиса Хуросса.

Хуросс, блеснув в ноосфере высокотехнологичным,
приказал Альфе-01А продолжать
следовать курсу.

Ксеносы не могли навредить столь
грозной машине, огромному «Гибельному
клинку» на службе

Омниссии, выкованному в ныне не
работающих кузницах давно мёртвыми
халфусийскими

техножрецами. 01А не ехал по какой-то
конкретной улице, не придерживался
конкретного пути. Он

не нуждался в дорогах, он прокладывал их
сам. Они стыдились того, что
пролазывали через

благословенные кузницы, что вредили функциональности планеты, и могли лишь толиться

Омниссии, дабы он отпустил им сей грех.

Затем нечто подобное пандемониуму схватило Альфу-01А, захлестнуло системы и экипаж. Танки, благословенные машины, святые в глазах Омниссии и его правоверных, гибли, исчезали без предупреждения, без ответа.

Хаос и поругание. Командир танка, глава батальона, старшие технопроводцы... все кричали на

Лингве Технис и Готике. Они не боялись за свою безопасность, ведь их жизни были неприкосновенны и защищены Императором и Омниссией. Что приводило их в ярость, что

наполняло их страхом, так это неудача. Гибель стольких благословенных машин стергала

неудачей, стергала невыполненной задачей.

Мерцали лампы и качались кадила,

отбрасывая в задымлённом отсеке
безумные тени. Юрия Келт
отчаянно искал «Теорему» и не мог найти
ни следа танка. Машина была мертва. Он
чувствовал

это с глубокой инстинктивной
уверенностью и потому ненавидел это
чувство. Келт прокручивал
показания «Леман Руссов» на ауспике.

На его глазах с дисплея исчезли ещё два
танка, ещё два благословенных механизма.
«Машина

торжествующая» и Дельта-86Ф, грозные
«Леман Руссы», пик имперского
совершенства
механикус... просто исчезли.

В воксе гремел голос магоса Хуросса,
требовавшего чего-то, хотя бы крошечного
натёка, что он

контролирует ситуацию. Ответа не
было.

Шли напряжённые минуты, напряжённые
минуты, за время которых погиб ещё один
«Леман Русс».

В этот раз Келт услышал это, услышал
своими человеческими ушами. Это
услышали все в

Альфе-01А. Затерцало освещение -- так
дуг машины выражал симпатетическую
боль. Из

акустических разъемов вырвался вой
отдачи. На экранах заплясали помехи.
Разряд жаркой боли

затопил системы экипажа. Тварь, что
охотилась на них, что остелилась бросить
вызов мощи

Ципериута и Механикус, была близко.

Келт злился, насколько это возможно для
служителя Отниссии, благословенного
столь обширной

аугментикой. Его бинарный кант был
резок и подкреплѐн самыми срочными и
заметными

ярлыками. Келт чувствовал, что его гнев
просачивается в манифольд и действует
на других в

«Гибельном клинке».

Но под покровом гнева, под покровом этой

сильной эмоции казалось нечто более
глубокое и

примитивное. Келт с самого начала узнал
это чувство, поскольку разделял его. Оно
сочилось с

ланифольд от всего экипажа танка.

Этим чувством был ужас.

...

Страх делал гүэ'ла слабыми. Страх делал
их неуверенными, заставлял совершать
ошибки.

«Отбракүй стаго» -- так гласила
доктрина прародителей касты огня на
Т'ау, его предков. Заставь

добычу бежать, чтобы измотать её.
Циперцы среагировали так, как он ожидал.
Танки начали

собираться в группы, на ходу сбиваться в
напуганные кучки.

Новая машина, его новый боекостюм,
идеально подходила для этой цели,
идеально подходила
для охоты.

Орудия -- его орудия -- подбывали, сбавляя

мощность.

Он перешагнул через горящие обломки
танка гүэ'ла. С них на него смотрел
барельеф

человеческого черепа, наполовину машины,
наполовину из кости – знак сүеверий гүэ'ла.

Тау слышал, как в паре улиц едет его
следующая цель, извергая из примитивных
двигателей

клубы дыма.

Врэ'валэль опять улыбнулся. Убивая, он
улыбался. Улыбался достойному
исполнению задачи и
приближению Высшего Блага.

...

Келт шептал в вокс резкие приказы. Он
требовал, чтобы командиры «Леман
Рүссов» собрались

вместе и искали спасения в числе.

А тем временем на аүспике исчезали
сигналы танков. «Устройство Уллкаса»
«СШК 1186»,

«Гордость Лэнга», «Халфүсийская Модель
Ш245», «Слава Марса» – все утерли

бесславно.

Никто не заметил убийцу. Никто не выстрелил в ответ. Осталось сорок восемь машин.

Через три минуты они впервые увидели охотящегося на них хищника.

К Келту приблизился младший техагент, лепеча почётные обращения на Лингва Технис и сжимая

в потных ладонях пист. Келт вырвал его протянутым техагентритом.

-- Это подтверждено? -- потребовал ответа Келт, уставившись на распечатку.

Оскорблённый техагент ответил прежде, чем вспомнил, к кому обращается.

-- Машина уверена. Помех не было.

Келт закачал информацию в ноосферу.

Частью мозга он анализировал данные, просеивал их, применял к изображению благословенную

логику. Остальная часть мозга продолжала вести батальон к линии фронта.

Снаружи прогремел гром... или же это был

взрыв?

Келт вздрогнул, и остатки его органического лица побелели. В его сознании невольно всплыл

запечатлённый на пикте образ.

Оно было высоким. Высоким и ступнопохожим на человека. Дым змеился вокруг машины, словно

прозрачная мантия, одновременно скрывая её и выставляя напоказ. Это зрелище пугало. На

разных точках гуманоидного силуэта в дыму расцветали вспышки света. Грохот орудий... столько

орудий, столько пуль. Гуманоидный силуэт должен был бы воодушевить, успокоить, но он не

был приземистым. Это не был гредноут Agentys Астартес, благословенная машина, созданная

любящими человеческими руками.

Всё, что он мог различить -- плавные линии, округлые пересечения и зловещая чуждость. Машина, враг, преследующий их

хищник... она проникла в их тыл, за линию фронта, в глубины заводских округов. Теперь она сдерживала их продвижение, не давала двигаться дальше. Более того, она охотилась, убивала, не давала исполнить долг.

Запавший манифольд ужас усилился, когда магос Хуросс, сидевший в безопасности главного шпилья, сделал собственные заметки и выводы.

Техножрецы усвоили молитвы.

Молитвы успокаивали. Слова раздвоенных языков Лингва Технис и Высокого Готика словно змеи

кружили вокруг друг друга, извивались в вихре, выползали из динамиков танка. Они успокаивающе

контрастировали с раскатистыми ударами снаружи.

Они звучали как барабаны, как ярость и гнев.

Командующий Эрин Бертик, сгорбившийся на посту, наполовину ослеп. Пылало пламя. Сверкали молнии. Лица были во внешние пикт-экраны.

За столпившимися рабочими в Развлекательной Гражданской Локации 867-АФ он не видел своего спутника, Дельту-663. О присутствии танка свидетельствовало лишь постоянное вокс-бормотание на Лингва Технис.

-- Прекратить и разойтись, -- объявил Эрин. Голос его был спокойным, несмотря на внутреннее смятение.

Рабочие не слушали.

-- «Глупость инновации», почему вы остановились? -- сжатым профессиональным тоном опытного технопровидца прошептал механутый ублюдок Келт. Он отринул слишком много человеческого

ради чистоты машины. Бертик

стремился к таким высотам, но он не мог
не ненавидеть этого
человека за его безжалостность, за его
логику. Если на то будет воля Омниссии,
то однажды

Бертик станет таким же. Но пока он
ещё чувствовал связь с человечеством.

-- Разнорабочие, почтенный сэр. Нас
окружили разнорабочие, -- сказал Бертик,
пытаясь высказать

сожаление. Они были повсюду -- толпились
на открытых пространствах, громко
кричали о правах, о прекращении
притеснения.

Ответом Келта стал невербальный
взвизг бессмысленных данных -- аналог
презрительного

фырканья на Лингве Технис.

-- Двигайтесь дальше, -- приказал Келт.

Бертик прокантировал покорность. Их
продвижение было медленным.

-- Прекратить и разойтись, -- вновь
потребовал командир. Вновь его не
услышали.

Он кивнул одному из подчинённых, и
раздался басовитый рёв установленных на
боковых

спонсонах болтеров. Танк вздрогнул, давая
рабочих, которые не успели убрать с
дороги.

Эрин слышал, как то же делает Дельта-
663.

Бертик, стыдящийся бессмысленной
бойни, начал передавать записанные
техномолитвы.

Он всё ещё молился, всё ещё
транслировал, всё ещё убивал, когда нечто
врезалось сзади в

«Глупость инновации».

«Леман Русс» подбросило вперёд, гусеницы
взвыли, не удержавшись на катнебетонной
поверхности дороги. Экипаж раскидало,
кровь и масло брызнули из вырванных
интерфейсных

соединений. Отказывали системы,
сыпались искры. В двигателе дух машины
зарычал, затем

закашлялся, захрипел и утолк.

На экране мигнули злые красные буквы
«Задняя броня пробита».

Эрин Бертик чувствовал, как по лицу
стекают кровь и масло, чужд густую
жидкость в носу, обонял

её в воздухе встроенными сенсорами.

-- Мертвы. Мы все мертвы, -- кто-то
застонал, едва не скупя от отчаяния и
страха.

Бертик пополз вперёд на сломанных и
негнущихся механических ногах. Он искал,
надеялся, молился, чтобы у «Глубоководной
инновации» осталась хоть какая-то
выполнимая функция. Свет

мерцал.

Он слышал снаружи резкий визг. Грохот
тяжёлых шагов. Тварь, эта проклятая
тварь,
приближалась.

Командир протянул руки к консоли, не
дотянувшись и зарыдал.

Перед ним мерцал экран, на котором
внешние пикт-обозреватели
прокручивались в стандартном

режиме. Они ничего не видели и не передавали.

Бертик закричал от бессилия, чувствуя, как его покидает жизнь.

И наконец-то дотянулся.

Дрожа, Эрин нажал кнопки, приказывая машине исполнить святую задачу.

Внешние пикт-обозреватели застыли и заработали.

Они вели передачу ещё минуту, пока машина ксеносов не открыла огонь и не ликвидировала

«Глупость инновации».

...

Келт смотрел, как на мерцающем экране враг убивает «Глупость инновации», а дух машины

обрабатывал изображение. Враг смотрел, во внешние пиктеры собственными бесчувственными

линзами. Освещённая огнём машина сделала шаг назад, затем склонила голову набок, словно

задумавшись. От оружейной вспышки

изображение было размытым, но нависшая машина

ксеносов была такой же тёмно-красной, как и на предыдущем снимке. Если между этим и

прошлым пиктом и была разница, то Келт её не заметил. Логика диктовала ему, что это одна

машина. Он пытался найти проблеск человечности, что-то знакомое и антропоморфное.

Но не находил ничего. Машина была такой иной, чужой, чуждой, что едва не сломала мозг агенту

механикус.

Но Келт улыбнулся. По манифольду разнеслось нечто близкое к радости. Они заметили машину

так ясно, как могли ночью и в дыму, и что важнее, теперь знали, где она.

...

Наживка готова. Кайон, его охота, его задача, близка к завершению. Гүэ'ла так предсказуемы.

Они решили, что он в месте собраний, в квадратной незастроенной части города. Он слышал, как они трещат в грубой коммуникационной сети. Но не прислушивался к словам — лишь к тону, панике.

Гүэ'ла пытались скрыть её радостными победными криками. Они думали, что загнали его в угол.

Они думали, что легко убьют его. Они ошибались.

Врэ'валэль покажет им всю ошибочность их путей и цену отвержения Высшего Блага.

Его поступок была тяжёлой, этой машине не хватало изящества костюма-невидимки. Но в этом и

не было нужды. Он хотел, чтобы гүэ'ла знали, что он рядом, что за ними пришла смерть. Чтобы

каждый тяжёлый удар сердца, каждый судорожный вздох показывал им всю глубину заблуждений.

Но в этом не было страсти, а страх был

лишь очередным инструментом охоты.

Шас'врэ не

чувствовал ненависти к гүэ'ла, лишь
печаль и странное сожаление.

Отринуть тау'ва -- безумие, безумие,
порождённое добровольным невежеством.

Но не ему задавать вопросы. Шас'о отдал
приказ. Гүэ'ла мертвы. Их мир
принадлежит Империи

Тау.

Осталось лишь преподать им урок.

...

Первым в Развлекательную Гражданскую
Локацию 867--Аф прибыла «Хафүсийская
модель 436».

Первой она и погибла. Машина ксеносов
выстрелила лишь один раз, но с
поражительной

меткостью. Поток раскалённой добела
плазмы угодил прямо в ствол орудия 436 и
испепелил

экипаж.

С разных улиц появились ещё два танка,
уже стрелявших, извергавших из

встроенных воксов

машинные молитвы. К ним присоединились «Механизированная слава» и «Третий с конвейера», их орудия грохотали, а воксы тоже транслировали святые слова.

Машина ксеносов стояла неподвижно. Встроенные орудия извергали плазму, а вокруг в сложных конфигурациях вились дроны. Каждый выстрел «Летан Рюсса» натывался на сверкающий щит.

На каждый выстрел отвечал боекостюм. Он вертелся и кружил, убивая всё, к чему поворачивался.

Танки превращались в пылающие обломки. Келт, находящийся в Альфе-01А в туннутах пути, слушал, наблюдал и угрожал.

Он кричал с командного трона, вернувшись к плотскому голосу юности, когда стресс одолел его

аугментированный мозг.

-- Убейте его!

Келт вёл танки на квадратную площадь, пытаясь одолеть боекостью чужаков, следовал приказам

старшего полкового мага.

Он посылал их как зроксов на бойню.

В манифольде возникали опции, предложения логических параметров, подробные планы для

сходных ситуаций. На глазах Келта Хуросс отклонял их один за другим. Магос закачивал лишь

гнев, отключая истинную логику.

Батальон приближался к площади. Рокотали двигатели, скрежетали гусеницы, грели турели, утирала машины.

-- Как скоро мы убьём проклятую тварь? Как скоро мы достигнем площади? -- потребовал ответа

грожащим плотским голосом Келт.

-- Две минуты, почтенный сэр, -- раздался ответ закутанного технопровидца.

Келт кивнул, сжимая металлическими руками командный трон.

Он направил часть своих вокальных функций на шёпот восхвалений Отниссии, молясь о большей

скорости, молясь о победе, молясь о смерти.

Быстрыми гантическими командами Юрия Келт посылал на смерть всё больше людей и машин.

...

Началось испытание. Вот она, кульминация кайона.

То, что охотники называют Рай'кор Кау'ва, Миз Идеального Терпения. Миз разоблачения,

стойкости. Миз, когда решалась судьба охоты.

Всё новые машины гүэ'ла бросали етү вызов. Всё новые машины гүэ'ла погибали. Но с каждым

мгновением их число росло. С каждым мгновением у них было больше шансов понасть, затедлить его.

Улыбка Врэ'валэля стенилась гримасой.

Взбѹдѹраженныя грѹны застрекотали.

Их доклады никак не облегчали напряжение момента, не успокаивали разум Врѣвалѣля.

Он моргнул, защищая глаза от гибели танка, в ушах звенело после разрядки рельсовой пѹшки.

Ещё.

Танк отлетел назад, горя, разрываясь, погибая. Он исчез в грибовидном облаке пламени и

грязного дыма.

Ещё.

Машина гѹѣла резко остановилась. Изнутри повалил тѣмный маслянистый дым.

Ещё.

На левой рѹке крѹтанѹлась пѹшка, изрыгая смерть в машины гѹѣла. Танк люлей вспыхнул как

свечка, когда лопнѹли топливные баки.

Каждая гибель, каждый взрыв была особенной.

Огни утирали с крикатами, другие с пронзительным воем. Третьи просто застывали, а из пробоев

валил дым. Но важно было, что каждый погибал. Каждый утолкал.

Это был вызов, который гүэ'ла не могли проигнорировать, пока перед ними стоял он -- объект их

гнева, их эмоции. На них нагали ракеты, убивая. Но гүэ'ла не замечали, откуда они летели, лишь

вызванные разрушения.

Способность «Прибоя» их учинить воистину поражала, а её тактическое применение идеально

подходило к этому моменту. Сам размер и обещание силы пьянили, ловкость была непревзойденной. Его воля становилась проводником величия и праведности тау'ва.

Врэ'валэль скривился, но под оскалом таилась готовая появиться улыбка.

Пританка проглочена. Кайон готов.

Машины гүэ'ла погибали, но истинная

обыча, истинная цель охоты была уже близко.

Самые быстрые «Летан Руссы» устремились вперёд, чтобы встретить боекостью и повергнуть его. Они проигрывали. Они погибали.

...

У Келта капала слюна. Глаза магоса дёргались. Единственным признаком, что он не потерял

рассудок, было присутствие в манифольде и отдаваемые экипажу шипящие канты.

Келт не мог сдержатъ грѳжъ, и его разум переполняло раздражение от хрупкости человеческой психики.

Манифольд поглѳтил ужас. Живой, растущий, разносящийся как зараза. Вслед за ним манифольд

разъѳдала порченная информация.

Осталось лишь пять танков, пять славных механизмов. То были «Первый Закон Машины», Альфа-

45X, «Плата кузни», «Стандартная

модель» и конечно Альфа-01А. Другие

командиры танков

трещали, отвлекали, требуя внимания.

Келт не мог им ответить. Они боялись.

Их броня была

уязвимой. Юрия Келт радовался, что он

сидит внутри 01А, бронированного

воплощения судьбы

людей и благосклонности Отниссии.

Меньшие машины сгрудились вокруг

«Гибельного клинка», словно телята вокруг

коровы. Под их

гусеницами грожал проспект — самая

большая дорога, которая вела на площадь.

Келт видел впереди вспышки, стелящийся

дым. Пятьсот метров до врага.

Триста.

Сто.

Первым на площадь въехала

«Стандартная модель». Въехала

осторожно, почти испуганно.

Машина чужаков просто стояла. Само её

присутствие было оскорблением святости

машин

Омниссии и Его посвящённых слугителей,
Agentus Механикус.

Сразу за ним на площадь выдвинулся 45Х,
отбросив в сторону горящие обломки
«Глупости
инновации».

Внутри Альфы-01А Келт молчал.
Внезапно ему расхотелось стрелять.

Вперёд выехали ещё два эскортных танка
и разделились, оставив посреди проход.

Альфа-01А не столько проскользнул на
площадь, сколько втиснулся. И замер,
полный угрозы, оцетинившийся огневой
мощью.

Тишина воцарилась внутри «Гибельного
клинка», внутри каждой имперской
машины. Запах пота, важность каждого
движения, каждого вида, каждой сенсорной
передачи, -- всё это приобрело
новый смысл.

Все внутри установились на Келта, когда
тагос дёрнулся. Всё в «Гибельном клинке»
ждало, затаив
дыхание, вспотев, ритуальные благоволия

казались тяжёлыми и угдушливыми.

Наконец, Келт сдeлал небольшое движение, дёрнул рукой. Это сопровождал тихий приказ в

манифольде, серия чисел на Лингва Технис.

Все выжившие танки открыли огонь.

...

Момент настал.

Рай'кор Кау'ва закончился. Прошёл Миз Идеального Терпения, близости культунации мон'верн'а.

Теперь настало время истинной охоты, время захлопнуть ловушку. Гүэ'ла проглотили наживку.

Врэ'валэль сжал зубы, когда «Прибой» качнулся назад. Одна нога сдвинулась, позволяя сохранить равновесие.

Его теснили. Снаряд прорвался сквозь кружащихся дронов и врезался в плечо костюма. Отдача от

удара прошла через системы и кольнула плечо самого шас'врэ.

Шаг назад.

С крыши самой крупной машины гүэла сорвалась ракета. Её перехватил один из щитовых дронов, пища рудиментарные сообщения грузил. Взрыв ослепил Врэвалэля на долю секунды.

Два шага.

Прорвался грузой танковый снаряд. Застонал рвущийся металл. Врэвалэль тихо вздохнул от боли.

Взорвались два щитовых дрона. Кинетические удары растянули щит до предела. Он мог вот-вот отказать.

Он попытался пригнуться, минимизировав профиль, попытался маневрировать. Костюм

предупреждал о скорости огня, о том, сколько ещё времени он сможет выдержать обстрел.

Недолго.

Очередной щитовой дрон утер в буре искр. Врэвалэль передал одно слово. Простое.

как и все когда-либо отданные им приказы.

-- Удите, -- сказал он, скривившись.

Он не ждал подтверждения. Оно было и не нужно.

Дым из грубых выхлопных труб танков гүэ'ла наполнил площадь, скрыл все маслянисто-серой завесой.

Он не стрелял. Лишь пережигал атаку, ждал, пока перестанут стрелять гүэ'ла. Их примитивные

сенсоры с трудом работали в неблагоприятных условиях.

Гром орудий затих. Командиры танков гүэ'ла пытались разглядеть его, увериться в эффективности

обстрела. Они ждали, пока дым рассеется.

Шас'врэ Фал'шиа Бас'рех Валэль не ждал.

Вспышка -- и ракеты мчатся к цели, оставляя в густом дыму яркие следы. Пять ракет, созданных

гением касты земли, направляемых идеальной технологией тау, мчались к танкинам гүэ'ла.

Он слышал их крики. Два танка отчаянно пытались вырваться, сбежать, скрыться от пришедшего

рока. Их гусеницы взвыли, когда они дали задний ход.

Всё было тщетно.

Ракеты изменили курс и с воет обрушились на врага.

...

Это был кошмар. Рок, ожидающий тех слуг машины, что не выполнили свои функции.

Воплощённая кара.

Воздух вонял. Смердел страхом, паникой, ужасом.

Все они умерли, были убиты машиной ксеносов.

Келт неконтролируемо дрожал, дёргался и стонал.

-- Как? -- кто-то спрашивал вновь и вновь. Келт сфокусировался на голосе и разглядел его

источник: закутанного технопровидца, которого рассекли пополам хлещущие

провога. В луже

крови и масла вокруг утирающей
женщины ещё плясали искры.

Все четыре эскорта сгинули, погибли,
так и не отомстив.

Юрия Келт, техножрец механикус,
командующий батальоном магос на борту
Альфы-01А смотрел, но не видел.
Поражённый, оглушённый и ошеломлённый
магос поднялся. Он не помнил, как упал.

Юрия судорожно вздохнул.

Взорвалась консоль, во тьме вспыхнули
искры. Повсюду лежали тела, а сервиторы
лепетали уже

неисполненные приказы.

Сыпали искры. Текла смазка. Канало
масло.

Рядом кто-то бормотал, сыпал числами
и буквами: бессмысленной, безумной,
бесполезной

информацией. Келт заковылял через
отсек экипажа. Каждое переключение глаз
давало ему новое

зрелище страшных разрушений. Он видел,

как снесённая голова техника всё ещё
что-то

говорит, все ещё пытается извлечь
информацию.

Оторванная рука сжимает запястный
интерфейс, металлические пальцы
стучат по клавишам.

Другие – живые, ошеломлённые, раненые –
ползут.

Манифольд утер, сгинул, исчез.

Освещение мерцает.

Свет.

Тьма.

Свет.

Тьма.

Красные вспышки в темноте, настёрные
как мигрень. Келт невольно ощутил
радость. Альфа-01А

уцелел, его броня устояла перед порчей
хищных ксеносов, дух машины упорно
отказывался

утирать.

Вернулось освещение. Заработали

воздухоочистители, принесся слабый запах
дыма, но Альфа-

О1А вернулся к благословенной функции.

Танк дёрнулся вперёд.

Магос Келт равкнул приказы на святом
машинном канте. Его голос был уверенным
и ровным.

Орудия открыли огонь. Альфа-О1А вновь
заговорил.

...

Врэвалэль устоял перед бурей. Последняя
машина гүэ'ла катилась к нему навстречу
через дым.

Врэвалэль не чувствовал паники, не
чувствовал ничего. Настал момент
тон'верн'а, смертельного
удара, конца кайона.

Незаметно для гүэ'ла под обстрелом
прилетели ещё две команды дронов. Их
тёмно-красная

окраска была целой, не потрепанной
орудиями гүэ'ла. Они стрекотали.

Улыбка шас'врэ вернулась, натянув сухую
синюю кожу.

Следом за гронати, по тем самым улицам, по которым минуты назад катились имперские танки, шли остальные из та'ро'ча, чьи орудия ещё выжили, а с плеч шёл пар.

Имперский танк поражённо застыл. Вытянувшиеся пушки утолкли. Основное орудие склонилось, словно признавая поражение. В ответ «Прибой» склонили свои орудия, отдавая должное упорству врага.

А затем открыли огонь. Через их орудия говорила совокупная мощь самого тау'ва.

Альфа-01А

Умер так же, как и родился: в огне.

Врэ'толкү, чьё сердце пылало, заговорила первой. Её слова наполняли страсть, которая правила

ей, делала её достойным представителем касты огня.

-- Слепые глупцы.

Врэ'валэль протолчал. Он ждал и наблюдал.

Ответ Врэ'карайиита, второго в та'ро'ча,

показал простодушие его мыслей, их вид.

Он выразил

досаду и сожаление о необходимости войны.

-- Зачем они сопротивляются, шас'врэ?

Зачем отвергают тау'ва?

Врэ'валэль подождал, позволяя им поразмыслить над своими словами и их идеями. Наконец, он

ответил.

-- Потому что они слепы. У них нет терпения. Они стары. Мы молодые.

По коммуникационной сети кадра прочтались слова, обращённые к нему и его та'ро'ча. Судя по

приказам, они были нужны. Была замечена очередная бронетанковая колонна гүэ'ла. Нужно было

нейтрализовать ещё одну угрозу гегемонии тау'ва.

Шас'врэ фал'шиа Бас'рех Валэль пошёл прочь от горящих обломков машины гүэ'ла.

Он не стал

оборачиваться к остальным из та'ро'ча,

потому что знал, что они последуют за ним.

-- Угём, -- сказал Врэвалэль. -- Кайон начинается вновь

...